

Новая песня, изначально названная «Меретришес», в конце концов с легкой руки Джеймса превратилась в «Расстанься с ним».

Причина была проста:

— Даже «Битлз» побоялись бы выпустить вещь с таким зубодробительным названием. Песня должна легко ложиться на слух, иначе толпа её просто не запомнит.

Болдуин и Тео полностью разделяли его мнение. В конце концов, оба принадлежали к той породе парней, которые, уставившись в незнакомое слово на обложке, просто махали рукой и сразу переходили к разбору аккордов и текста.

Ланс, конечно, в глубине души презирал любую попытку заигрывать с толпой. Но в нём вечно боролись снобизм и тщеславие — ему до безумия хотелось искупаться в лучах славы и услышать как можно больше восторженных вздохов. В итоге он уступил большинству и молча согласился на новое имя для трека.

В следующие несколько месяцев рок-группа «Планета» понемногу обкатывала новинку на сцене. Заведение господина Дуайта пользовалось репутацией приличного клуба со строгой программой выступлений, так что парням приходилось ловить каждый удобный момент, чтобы втиснуть свежий материал.

Оглушительного триумфа с первого же аккорда, конечно, не случилось — это был долгий процесс проб и ошибок.

Как они только не измывались над песней! То затягивали её, превращая в тягучую меланхоличную балладу; то взрывались шквалом яростных криков; то отдавали бразды правления ударным, то выводили на первый план ревущие гитарные риффы. Так, крупница за крупницей, они нащупывали тот самый вариант, который заставит зал реветь от восторга.

Для «Планеты» это время стало бесценной школой. Обстановка была на редкость свободной, никакого давления сверху. Господин Дуайт великодушно закрывал глаза на то, что парни, отыграв обязательную программу, начинали «контрабандой» втискивать свои собственные наработки. Да и завсегдатаи клуба были не против свежих экспериментов. Ну, почти не против: если песня откровенно не заходила, в ход летели пивные стаканы и яростные вопли с требованием заткнуть вокалисту пасть.

Именно этот кабацкий опыт заложил фундамент их будущего успеха. На этой сцене они оттачивали технику, учились держаться перед толпой, справляться с любыми накладками, понимать друг друга с полувзгляда и... просто отрываться на полную катушку!

— Мы просто развлекались, — вспоминал позже со смехом Болдуин, активно жестикулируя. — Играли в своеобразный конструктор: то сместим акценты на басы, то ускорим темп, то замедлим. Сегодня кто-то хочет перетянуть одеяло на себя? Тео? Без проблем, сегодня

правишь балом ты!

И так они забавлялись почти до самого Рождества...

К тому времени в блокноте Ланса накопилось уже около двухсот набросков, а «Расстанься с ним» обрела законченный вид и выверенную структуру.

Как раз перед праздниками господин Дуайт задумал усложнить программу и устроить предрождественское шоу. Джимми и остальные решили воспользоваться моментом и официально, со всей помпой презентовать песню широкой публике.

Болдуин и Тео заметно мандражировали. Ланс, хоть и строил из себя гения, тоже не находил себе места — пока песня обкатывалась вчерне, всё казалось игрой, но теперь его собственное детище вызывало у него невольную дрожь в коленях.

Публика — пожалуй, самый капризный зверь на свете.

Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы рассмешить их, они вдруг разрываются сопливой жалостью, нафантазив себе твою «улыбку сквозь слёзы». А когда ты пытаешься растрогать их до глубины души, эти циники начинают ржать в кулак, обзывая твоё выступление дешёвым пафосом.

С толпой нужно вести непрекращающуюся войну умов. Их нужно подчинить себе, взять за горло и победить! Иначе даже шедевр рискует кануть в неизвестность.

Джимми лихорадочно прикидывал варианты, поблескивая хитрыми зелеными глазами. Нужно было придумать какую-то фишку, яркий трюк, который заставит толпу вслушаться в каждый аккорд. Но в одиночку такое не провернуть — нужен был сообщник!

Болдуин слишком правильный и робкий, ловить тут нечего.

А если сунуться к самовлюблённому Лансу, тот сразу напыжится и спросит: «Ты что, сомневаешься в моей гениальности?»

Чёртов вопрос с двойным дном — чистой воды ловушка!

Джимми слишком хорошо его знал и мог с закрытыми глазами разыграть этот мысленный диалог по ролям.

Скажешь: «Конечно уверен!» — и в ответ прилетит: «Тогда какого хрена ты лезешь со своими дешёвыми фокусами, придурок?»

Скажешь: «Не очень уверен...» — услышишь: «Да как ты, козёл, смеешь сомневаться во мне?!»

Короче, при любом раскладе останешься крайним. Поэтому Джеймс решил действовать через его голову.

Как-то вечером, когда шоу отгремело и музыканты начали расходиться по домам, Джимми приметил уходящего Тео с чехлом от бас-гитары за спиной и бросился вдогонку:

— Эй, Тео, стой!

Тео остановился и удивленно обернулся:

— Джимми? Что стряслось?

Джеймс нагнал его в пару шагов и заговорщически понизил голос:

— Слышь, девчонку склеить хочешь?

Глаза Тео вспыхнули так ярко, что у него на лбу, казалось, даже прыщи набухли от предвкушения.

— Ты серьёзно?! — засыпал он Джимми вопросами, шумно дыша. — Познакомишь меня с кем-то? Боже, Джимми, ты просто святой человек!

— Да нет, тут другое дело. Это она спит и видит, как бы с тобой сойтись, — поспешил уточнить Джеймс.

Тео едва не задохнулся от восторга. Он завертел головой по сторонам, высматривая скрытую угрозу своему холостяцкому статусу:

— Серьёзно?! Какая ценительница прекрасного! И где она? Симпатичная?

— Помнишь блондинку, которая сегодня сидела у южного крыла барной стойки? Её зовут Лиза.

— Погоди... — Тео на секунду нахмурился. — Кажется, рядом с ней сидел какой-то здоровяк?

— Всё верно, это её старший брат, — глазом не моргнув, соврал Джимми.

— О-о-о... И она хочет со мной замутить?

— Она просила передать: если завтра со сцены ты посвятишь ей песню, то она согласна на всё, что твоей душе угодно.

— Твою мать! — взвыл Тео, хватаясь за голову. — Реально на всё?!

— Хоть на диване в гостиной, хоть на заднем сиденье тачки, хоть в подворотне... Всё как в лучших фильмах. Но есть условие: ты должен показать класс и потешить её самолюбие. Короче, обставить всё красиво. Она хочет, чтобы ты прилюдно спел для неё.

— Но я же не умею петь, бро! — Тео растерянно захлопал глазами. — Я же басист, а не вокалист.

— Ерунда, я всё устрою! На выступлении я суну тебе микрофон, ты скажешь: «Эта песня для мисс Лизы», а спою за тебя я. Делов-то.

— Джимми! Джимми, мать твою женщина! Ты отныне мой самый лучший, самый преданный бро!

— А то, Тео. Мы же одна команда, — с предельно честным лицом ответил Джеймс.

На следующий вечер во время концерта Джеймс, резво подбежав к Тео, ткнул микрофон прямо ему в лицо.

Ланс и Болдуин ошалели. У обоих на физиономиях крупным шрифтом читалось: «Какого хера вы творите?!»

Но мисс Лиза у барной стойки была чертовски привлекательна. А Тео был пьян от вожделения — гормоны напрочь выжгли ему остатки мозгов!

Совершенно наплевав на недоуменные взгляды товарищей по группе, басист, точно кобель в течке, потянулся к стойке и, напустив на себя максимально пафосный вид, выпалил заученную фразу:

— Следующую вещь я посвящаю прекрасной мисс Лизе! Детка, дослушай до конца, и мы сразу же идём на свидание!

В клубе повисла гробовая тишина. Посетители за столиками застыли с бокалами и вилками в руках, недоуменно уставившись на сцену.

Джимми под градом удивленных взглядов с ехидной ухмылкой забрал микрофон и кивнул Лансу, давая знак начинать.

Раздались чистые, мелодичные аккорды вступления к «Расстанься с ним». И следом за ними воздух разорвал дикий, взрывной крик Джимми:

— Бросай его! Слышишь, бросай его! Он же тря-пка, а не мужик!

Толпа на мгновение опешила, а в следующую секунду клуб взорвался гомерическим хохотом.

Начался форменный балаган. Зал свистел, улюлюкал и откровенно глумился, косясь на пунцовую, как помидор, мисс Лизу у бара.

Ритм у новинки был бешеный, задорный. Джимми выкладывался по полной: кривлялся, скакал по сцене, переходил от ядовитого стеба к умоляющему, полному фальшивой драмы вокалу, выжимая из своего роскошного голоса максимум эмоций. И без конца заводил толпу рефреном: «Расстанься с ним, ну же, бросай его!»

Его врождённый магнетизм мгновенно заразил публику. Разогретые алкоголем и драйвом зрители дружно заколотили ладонями по столам, подхватывая припев:

— Бросай его! Бросай его! Бросай!

Когда финальный аккорд затих под лавину оваций, мисс Лиза под руку со своим громилой-«братом» напрямик направилась к сцене.

Здоровяк легко взбежал по ступенькам, подошёл вплотную к Тео и, нависнув над ним грозовой тучей, вполне вежливо, но веско поинтересовался:

— Дружище, я что-то не догнал. Мы поженились только на прошлой неделе, об этом в клубе каждая собака знает. Ты сейчас реально катишь шары к моей жене?

Тео онемел.

"Что?! Какая к чертям собачьим свадьба?! Я не знал! Вы же брат с сестрой, разве нет? Твою мать, Джимми, сука паршивая! Грёбанные диваны, тачки, подворотни... Что я там делать буду? Кровью харкать?!"

Басист съёжился, являя собой картину предельной беспомощности и уязвимости.

Ланс и Болдуин в полном недоумении наблюдали за этой сценой. А Джимми, засунув руки в карманы и безмятежно насвистывая под нос, уже бочком сваливал со сцены.

Конечно, спустившись, он тут же кликнул вышибал, дабы пресечь любой возможный мордобой

в зародыше. После этого он лично подошёл к Лизе и её супругу, рассыпавшись в извинениях и объяснив, что это был лишь глупый сценический экспромт ради шоу.

Молодожёны, славившиеся кротким нравом (один лишь Тео, вечно витающий в облаках, ничего об этом не знал), только посмеялись над дурацкой выходкой. Им даже показалось забавным такое «испытание чувств» — позже они и вовсе заделались преданными фанатами «Планеты», искренне веря, что песня написана в их честь.

Но Тео шутку не оценил. Он целый месяц дулся на Джеймса и не произнёс ни слова, вынашивая план жестокой мести.

Джимми было плевать. Уж кто-кто, а он умел не только пакостить, но и принимать сдачу. К тому же без весёлой встряски жизнь превращается в тухлое болото. Не будь их будни полны такого безумия, Ланс никогда не написал бы «Расстанься с ним», а сам Джимми сейчас не горланил бы под рёв толпы, а ковырялся бы в мазуте, меняя покрышки в вонючей автомастерской. Давайте начистоту: вкусив сладкий яд рамп и прожекторов, кто в здравом уме захочет возвращаться к этой чёртовой чернухе?

Расплата настигла его внезапно. Как-то раз после концерта, когда взмыленные и уставшие парни оккупировали служебный душ клуба, Тео наконец привёл свой коварный план в действие.

Выйдя из душевой, завернутый в полотенце Джимми обнаружил, что его шмотки испарились в неизвестном направлении. Взамен этот мелкий говнюк оставил на его любимом стуле плотную женскую юбку в пол с приколотой запиской: «Твой заслуженный гонорар!»

— То есть вы просто стояли и смотрели, как этот гад крадет мои шмотки? И даже пальцем не пошевелили? — Джимми, яростно взъерошивая полотенцем мокрые волосы, брезгливо приподнял юбку двумя пальцами, корча невинную гримасу.

Болдуин виновато кашлянул:

— Ну... Ланс сказал, что приличным людям не пристало лезть в ваши детсадовские разборки.

Ланс высказался ещё лаконичнее:

— Так тебе и надо, Джимми.

Ладно, юбка так юбка. Чёрт с ней! Пусть малой потешит эго и выпустит пар. Всё лучше, чем когда тебя в школе заставляют читать вслух перед всем классом, а ты спотыкаешься на каждом слове под глумливый ор училки — вот тогда действительно хочется сквозь землю провалиться.

Альтернативы не предвиделось: либо щеголять сверкающим задом, либо примерить обновку. Джимми вздохнул и натянул длинный подол. Ощущения были странными — снизу подозрительно сквозило, никакого тепла и чувства защищённости.

"И как только барышни носят эту хреновину?" — недоумевал он.

Но показать слабинку и дать повод для глумления он не мог.

Поймав на себе изучающий, полный иронии взгляд Ланса, Джимми демонстративно прикурил сигарету с видом монарха на отдыхе — мол, настоящему мужику даже бабское тряпье не помеха. Он вальяжно откинул влажную золотистую чёлку назад и расправил плечи так, словно на нём был не дурацкий шерстяной подол, а безупречно скроенная тройка с Сэвил-Роу.

Болдуин то и дело смущённо косился на него из-под лба, борясь с любопытством. Ланс же молча поражался масштабам наглости своего вокалиста. Ну у кого ещё может быть настолько непробиваемая кожа?

Джимми лихорадочно прикидывал план отступления. Концерт завершён, зрители в основном разошлись, так что можно проскользнуть через чёрный ход, дворами добраться до безопасного места, переодеться — и вуаля, репутация спасена!

Но закон подлости, он же закон Мерфи, гласит: если какая-нибудь неприятность может случиться, она обязательно случится.

Джимми больше всего на свете боялся столкнуться с кем-то из знакомых. И, разумеется, именно это и произошло. На выходе из переулочка он нос к носу столкнулся со своим старшим братом Линдом.

Он, конечно, давно собирался признаться семье, что играет в рок-группе... Но, чёрт возьми, не при таких же обстоятельствах!

"Неужели ангелы больше не хранят меня?" — тоскливо подумал Джеймс.

Но в то же мгновение его мозг совершил кульбит, и Джимми осенило: погодите, а ведь это чертовски удачный расклад! Брат в роли бродячего музыканта — это стократно лучше в глазах примерного Линда, чем брат-трансвестит!

(Линд: «...»)

"Ха! Да нет, ангелы всё ещё на моей стороне! Спасибо тебе, Тео, дружище. Твоя месть пришлась как нельзя кстати!"

Джеймс приветливо раскинул руки в широком, абсолютно искреннем жесте:

— Линд! Братишка! Родная кровь! Не бледней ты так, дыши глубже. Всё не так страшно, как тебе кажется...

Линд, наконец оправившись от шока, сорвал с себя пальто и в три размашистых шага преодолел разделявшее их расстояние. Он накинул его на плечи этого недоразумения, наглухо запахивая:

— С каждым разом ты умудряешься превзойти самого себя! Заткнись, Джимми, просто завали хайло. Дома поговорим!

<http://bllate.org/book/19389/1986458>